

Глава 5

Пасынок

Проснувшись, Фан Цзычэнь обнаружил, что дом преобразился до неузнаваемости. Казалось, пока он спал, к нему заглянула сказочная Улитка-помощница и в благодарность за приют вычистила каждый угол.

Чжао-гэр стоял в дверях. Заметив, как молодой человек шутливо подхватил Гуай-цзя под мышку и направился к кухне, он невольно напрягся. От волнения он принялся тереть край своей рубахи — точь-в-точь как его маленький сын.

Фан Цзычэнь сделал вид, что ничего не заметил. Увидев полный чан воды, он удивлённо вскинул брови:

— Ты уже и воды натаскал? Река-то ведь совсем рядом. Какая поразительная исполнительность.

Чжао-гэр облегчённо выдохнул, зашёл следом и пододвинул к нему щербатую миску с кашей.

Одного взгляда на тёмное, сомнительного вида варево хватило, чтобы у юноши запершило в горле. В котле на огне грелась лишь вода.

— И это всё? Одна порция? — Цзычэнь кивнул на притихшего под его рукой малыша. — А как же... как его зовут?

— Гуай-цзай, — тихо ответил гэр.

«Разве это имя?»

— Здесь всего одна миска. А вы что будете есть? — спросил Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр указал на кучку промытых диких трав, лежащих в стороне:

— Нам с Гуай-цзаем хватит и этого.

Молодой человек проследил за его жестом. На мгновение на его лице отразилось сложное, полное недоумения и горечи выражение. Он посмотрел на своего нового фулана с явным сомнением:

— И... это вообще можно есть?

— Можно, — супруг невольно отвёл взгляд под этим пристальным, изучающим взглядом. — Если обварить кипятком, вполне съедобно.

Он и раньше так питался. Не будь это съедобным, он бы давно отдал концы.

— Разве в доме больше ничего нет? — устало вздохнул Цзычэнь.

— Остался мешочек необработанного риса, совсем немного. Нужно растянуть его как можно дольше, — робко пояснил Чжао-гэр.

Он самовольно распорядился припасами на кухне и теперь внутренне содрогался от страха. В семье Ма за ним следили как за вором: стоило ему подойти к плите, как кто-то из домочадцев тут же вставал над душой. Ему запрещали прикасаться к вещам без спроса, словно он был каким-то нечистым существом.

Однако Фан Цзычэнь вовсе не рассердился. Он лишь поморщился при упоминании необработанного риса — казалось, эта пища, которой здесь спасались от голода в каждом доме, вызывала у него крайнее брезгливость.

— Вари на всех, — отрезал он. — Нечего так экономить, не деликатес какой-то. Завтра я схожу в городок, посмотрю, как тут можно заработать серебра.

Деревня была бедной, так что за деньгами нужно было идти в город.

Чжао-гэр покорно кивнул. Он казался воплощением смирения, готовым подчиниться любому слову.

Подбросив в печь дров, он взял два кремня и принялся высекать искру. Фан Цзычэнь, привлечённый этим диковинным зрелищем, отпустил ребёнка и присел рядом на корточки. Вчера вечером он так и не смог развести огонь и в итоге просидел голодным всю ночь. Юноша с неподдельным интересом разглядывал огниво, расспрашивая о том, что это за камни, а когда над трутом поднялся дымок, его глаза азартно блеснули.

Чжао-гэр, видя этот искренний, почти детский восторг, терпеливо отвечал на все вопросы.

— Дай-ка я попробую, — предложил Цзычэнь.

Гэр протянул ему кремни. Камни легли на ладонь молодого человека — безупречно чистую, гладкую, без единого шрама или мозоли. Кожа была бледной, с нежным розовым оттенком, какой бывает только у здоровых и обеспеченных людей.

Чжао-гэр невольно посмотрел на свои руки, и в душе его шевельнулось горькое чувство

неполноценности. Когда видишь нечто прекрасное, даже понимая, что сравнение не в твою пользу, всё равно невольно сопоставляешь. Его руки были безобразны: огрубевшие от многолетнего труда, покрытые сетью старых и свежих шрамов. Пальцы — в мозолях и неистребимых тёмных пятнах от травяного сока, вьёвшегося в самую кожу под ногтями.

В доме была всего одна миска, так что ели по очереди. Фан Цзычэнь был последним. Глотая безвкусное варево, он выглядел так, будто его вот-вот вывернет наизнанку. Чжао-гэр, заметив его страдальческую мину, тихо спросил:

— Неужели так невкусно?

— Горчит невыносимо, — Цзычэнь посмотрел на остатки каши как на личного врага. — И запах... какой-то неопишимо странный.

Он догадывался, что травы без масла и соли — сомнительное удовольствие, но не предполагал, что всё будет настолько плохо. В своей прошлой жизни он как-то ездил с классом на практику в деревню и видел, как кормят свиней: в корыто вываливали ботву батата, смешанную с кукурузной мукой, и свиноматка уплела это за милую душу.

«Всё-таки в свиньях есть смысл, — уныло подумал он. — Они хотя бы умеют безропотно переносить тяготы быта»

Чжао-гэр на миг задумался и вышел. Вернулся он с чистой веточкой в руках. Окунув её в горшок, он подцепил кусочек застывшего жира размером с арахис и размешал его в миске Цзычэня:

— Так должно быть получше.

Жир растаял в горячей каше, и над столом поплыл едва уловимый аромат мяса. Варёво и впрямь стало чуточку вкуснее, но до звания еды всё равно не дотягивало.

Фан Цзычэнь тяжело вздохнул. Не случись этого странного перемещения между мирами, он бы в жизни не узнал, каково это — выживать на таком пайке.

После обеда дел в доме не осталось. Чжао-гэр не привык сидеть без дела, и эта вынужденная праздность пугала его. Когда Цзычэнь и малыш вышли из кухни, он застыл на пороге, словно верный страж, не зная, куда себя приткнуть. Казалось, дверные проёмы были его излюбленным местом.

Гуай-цзай присел под навесом и принялся сосредоточенно считать муравьёв. Он был на редкость послушным ребёнком: никогда не убегал далеко и не шумел. Когда его отец работал в поле, малыш, хоть и был крохой, старался помочь и собирал травы вдоль межи. Сейчас, когда Чжао-гэр был свободен, мальчик не решался подойти к Фан Цзычэню и просто тихо играл в

поле зрения родителя.

Цзычэнь уселся на ступеньки и поманил к себе супруга. Тот замер в нерешительности, глядя на него с некоторой опаской. Видя его застывшую фигуру, юноша беззаботно рассмеялся:

— Да садись ты рядом! Неужели стоять не надоело?

Чжао-гэр нехотя подошёл и присел с другого края.

Фан Цзычэнь кивнул в сторону малыша и, понизив голос, спросил:

— Послушай, а он у тебя кто — сын или гэр?

Чжао-гэр удивлённо моргнул, а после короткой паузы ответил:

— Сын.

Цзычэнь озадаченно потёр подбородок:

— Странно. Почему семья Ма не оставила ребёнка себе? Позволили тебе забрать его при... хм, новом браке.

Ответ Чжао-гэра прозвучал как гром среди ясного неба:

— Он не внук семьи Ма.

Стоило ему это произнести, как Фан Цзычэнь застыл, а затем окинул его непередаваемым, тяжёлым взглядом. Он не сразу смог переварить услышанное.

Что значит «не внук»? Если разложить всё по полочкам, логика выходила пугающая: он был фуланом в семье Ма, но родил ребёнка не от них. Получается...

Цзычэнь в потрясении уставился на Чжао-гэра, не в силах вымолвить ни слова. У него возникло стойкое ощущение, что он взял в жёны весьма непростую личность.

Чжао-гэр, глядя на его ошарашенный вид, явно не ожидал такой реакции. Молодой человек коснулся своей макушки и серьёзно спросил:

— Слушай, Чжао-гэр, как по-твоему, этот чёрный цвет волос мне идёт?

Волосы как волосы — обычные, ничем не примечательные. Тот не нашёлся, что на это ответить.

Фан Цзычэнь решил выразиться точнее:

— Понимаешь, мне кажется, чёрный мне очень к лицу. И мне бы очень не хотелось, чтобы в один прекрасный день эти волосы вдруг приобрели ярко-зелёный оттенок. Ты понимаешь, на что я намекаю?

В его словах не было грубости, но и двусмысленности тоже. Чжао-гэр, хоть и не знал грамоты, соображал быстро.

В деревне за его спиной только и шептались о том, что он «нагулял» ребёнка. Семья Ма в своё время, чтобы не терять бесплатного работника, упорно твердила, что мальчик — их крови, но правда лежала на поверхности. Когда он забеременел, Ма Вэнь был на заработках и дома не показывался месяцами. В семье все всё понимали — он никогда не делил ложе с Ма Вэнем. Была ли в Гуай-цзае хоть капля крови Ма — ответ был очевиден.

Они терпели этот позор только из выгоды. Если бы по деревне поползли слухи об измене, его могли забить до смерти, а работать в поле было бы некому. Его растили десять лет, и они не собирались позволить ему умереть, пока не выжали из него все соки. Именно поэтому они покрывали его все эти годы.

Когда-то Чжао-гэр верил, что они с сыном так и сгниют в этом доме. Если бы не нынешние голодные времена и не та случайность у реки, семья Ма никогда бы не отпустила их так просто.

— Я никому не изменял, — голос его дрогнул, но он отчаянно пытался сохранить видимость спокойствия. Он опустил глаза, боясь встретиться с кем-либо взглядом. — Люди в семье Ма избивали меня и клеймили бесстыдником. Деревенские шептались за спиной, называли Гуай-цзая выродком. Я всё это слышал, всё понимал. Но... я правда не изменял мужу.

Обида, которую он годами прятал глубоко внутри, наконец нашла выход. Каким бы стойким он ни казался, в его голосе слышались слёзы. Никто никогда не спрашивал его, как именно он забеременел. Возможно, считали его слишком ничтожным для объяснений, а может, им было просто плевать. Его осудили и признали виновным, даже не выслушав.

Четыре года он сносил попреки молча, словно смирившись с этой несправедливостью. Но сейчас, перед Фан Цзычэнем... человеком, которого он знал всего полдня, ему почему-то стало жизненно важно оправдаться. Он не хотел, чтобы этот юноша считал его падшим человеком.

Фан Цзычэнь промолчал. Он не стал спрашивать о подробностях — во-первых, они были ещё недостаточно близки, а во-вторых, он догадывался, что за этим может стоять насилие. Лезть с расспросами сейчас было всё равно что сыпать соль на открытую рану.

— Ладно, я тебе верю, — он по-дружески приобнял Чжао-гэра за плечо. — Пустое это, брат. Всё в прошлом.

Тело гэр на мгновение окаменело от этого жеста, но вскоре он расслабился.

— Ты правда веришь мне? — тихо переспросил он.

— Ну конечно, — Цзычэнь принял нарочито беспечный вид. — Ты ведь такой маленький, душа у тебя наверняка тоже крохотная. Откуда бы у тебя взялась дерзость пойти на измену?

Чжао-гэр опешил.

— Я не маленький, — попытался возразить он. — Мне вообще-то девятнадцать уже.

— Да брось, — Цзычэнь недоверчиво округлил глаза. — На вид тебе не дашь больше шестнадцати или семнадцати. Выглядишь младше меня.

Чжао-гэр указал на сына, всё ещё считающего муравьёв:

— Гуай-цзаю уже три года.

Фан Цзычэнь подавился словами. Девятнадцать лет, сыну три — значит, забеременел в шестнадцать.

«Девятнадцать лет, сыну три... — он невольно задумался. — Значит, забеременел в шестнадцать»

Перед его мысленным взором предстал шестнадцатилетний Чжао-гэр — совсем ещё ребёнок, щуплый и невысокий, который с огромным животом хлопочет у печи... От этих картин стало не по себе.

Он тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, и, подперев подбородок ладонью, перевёл тему:

— Послушай, а чем гэры внешне отличаются от обычных мужчин? Я смотрю на тебя, на Гуай-цзая, на себя — и не вижу разницы.

— Гэры могут рожать детей, — просто ответил Чжао-гэр.

— Это я понял, — кивнул Цзычэнь. — А ещё?

Гэр посмотрел на него в упор:

— Больше ничем.

Цзычэнь лишился слов.

— И что, вы их никогда не путаете?

— При рождении у них здесь... — Чжао-гэр указал на внутреннюю сторону своего предплечья.

— Здесь появляется маленькая красная точка.

Фан Цзычэнь только и смог, что развести руками. Тут он явно проиграл.

<http://bllate.org/book/15357/1413223>